

сравнительно-исторической лексикологии. Для изучения культуры носителей индоевропейских диалектов в дописьменный период большое значение имеют отдельные тонкие наблюдения Порцига, связанные с анализом лексических явлений. Некоторые предлагаемые Порцигом объяснения семантических соответствий являются спорными, но это отчасти вызвано слабой разработанностью методов сравнительно-исторической семасиологии¹.

Отмеченные выше пробелы в исследовании Порцига объясняются тем, что в его труде недостаточно учитываются некоторые недавно обнаруженные факты древних индоевропейских языков Малой Азии. Детальный анализ ранее не исследованных данных этих языков не входил в задачи книги, целью которой является систематизация наиболее достоверных сведений об индоевропейских диалектах (стр. 9). Повидимому, по той же причине в книге не нашли применения те новые методы исследования развития системы общиндоевропейского языка и установления относительной хронологии его развития, которые в настоящее время разрабатываются отдельными учеными, но не получили еще всеобщего признания. Дальнейшее исследование, основанное на использовании этих новых фактов и новых методов, могут воссоздать картину истории индоевропейских диалектов в период более древний, чем тот, который изучается Порцигом. Но книга Порцига является необходимым отправным пунктом для всех исследований в этой области, так как в ней излагаются тщательно проверенные данные об отношениях между индоевропейскими языками в период, предшествовавший их письменной истории. Поэтому рецензируемая книга принесет пользу не только специалистам в области сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков, но и исследователям истории отдельных индоевропейских языков и истории говорящих на них народов.

Вач. Вс. Иванов

Adolfu Kellnerovi. Sborník jazykovědných studií.—Opava, Slezský studijní ústav, 1954. 194 стр.

Рецензируемый сборник статей посвящен памяти профессора философского факультета Брненского университета Адольфа Келнера, скончавшегося в расцвете творческих сил 31 мая 1953 г. А. Келнер, как указывается в посвящении к сборнику, был ученым, «который имел наибольшие заслуги в изучении языковых отношений в Остравской области и прокладывая своими трудами пути современной чешской диалектологии». Его деятельность имела большое значение для развития брненского диалектологического центра и в особенности в деле изучения лясского (силезского) диалекта чешского языка. После окончания в 1927 г. университета в Брно, в котором А. Келнер проходил подготовку под руководством О. Гуйера, Ф. Травничка и В. Вондрака, он приступил к работе в области диалектологии. Большое влияние на научную деятельность А. Келнера оказал и акад. Б. Гавранек. По совету своих учителей А. Келнер продолжал занятия в Кракове у известного польского языковеда акад. К. Нитша, где знакомится со взглядами польских ученых на генезис лясского диалекта.

По возвращении из Польши А. Келнер некоторое время изучает словацкие говоры Спиша и Шарыша², а затем готовит свою диссертацию «Štramberské nářečí» (1939). Эта была первая работа в ряду начатых тогда исследований моравских и

¹ Показательно, например, то, что на основании одного и того же факта (связь названия «дерева, дуба» **derec*— со словами, имеющими значение «твердый, крепкий», ср. русск. *дерево, дрова и доровый*) Порциг (стр. 146) и Бенвенист [E. Benveniste, Problèmes sémantiques de la reconstruction, «Words», vol. 10, № 2—3 («Linguistics Today»), 1954, стр. 258—259] строят совершенно различные гипотезы. Порциг считает более древним значение «дуба», из которого выводится вторичное значения «дерево» и «твердый» (ср. близкую точку зрения, высказанную ранее Остгофом), тогда как Бенвенист считает первоначальным значение «прочный», которым объясняется значение «дерево» (= прочное, крепкое). Значение «дуб», по гипотезе Бенвениста, явилось результатом позднейшего развития (что Бенвенист доказывает фактами греческого языка).

² См.: «Přispěvek k bližšímu poznání nářečí lučivňanského» («Bratislava», ročn. VI, 1932); «Přispěvek k jazykové charakteristice Plavnice» («Sborník Matice slovenskej», ročn. XIII, č. 1—2, Turč. Sv. Martin, 1935); «Nářečí severozápadního Šariše» (там же, ročn. XVI—XVII, č. 1—2, 1938—1939).

связанных говоров. Изучение переходных силезских говоров, содержащих особенности, свойственные двум родственным языкам — чешскому и польскому, поставило А. Келнера перед необходимостью изучать язык в связи с историей его носителей. Наряду с этим целью исследователя было не статическое описание говоров, а исследование их истории в системе общенародного языка. Эти две тесно связанные друг с другом особенности исследовательского метода А. Келнера в значительной степени характеризуют то новое, что он внес в чешскую диалектологию. Перед войной А. Келнер закончил свое капитальное исследование лишского диалекта¹. Синтетическое описание силезских говоров сопровождалось выводами генетического порядка. Хотя ряд положений автора о польско-чешских языковых отношениях при дальнейшем изучении, видимо, еще потребует пересмотра, а некоторые из них вызывают сомнение и в настоящее время, однако самое описание структуры лишского диалекта (в том числе синтаксиса и лексики) является наиболее полным и точным на фоне существующих работ как чешских, так и польских диалектологов.

В 1945 г. А. Келнер был приглашен в качестве профессора славянского языковедения в Брненский университет. Именно в этот период разворачивается его педагогическая и организационная деятельность. А. Келнер принимает активное участие в организации Силезского исследовательского института и выдвигает программу языковедческой деятельности нового учреждения². В последние годы он плодотворно работает над марксистским освещением вопросов истории языка и диалектологий³. Свои теоретические работы он всегда оснащает богатым и разнообразным фактическим материалом. А. Келнер разрабатывает вопросник по лишским говорам и принимает участие в составлении вопросника по ганакским говорам. Под его руководством в славянском семинаре Брненского университета готовятся к научной работе многие диалектологи⁴, статьи которых представлены в сборнике, посвященном его памяти. Итогом его преподавательской деятельности явился учебник «Úvod do dialektologie» (Praha, 1954).

Рецензируемый сборник, посвященный памяти А. Келнера, открывается статьей С. Кралика «Научные труды Адольфа Келнера» (стр. 9—21), в которой прослеживается творческий путь ученого. В следующей статье А. Келнерова проникновенно пишет о нем как о человеке, ставившем научные интересы выше всего (стр. 22—24). Далее следует список трудов А. Келнера, составленный В. Важным (стр. 25—28).

Второй раздел сборника начинается заметкой акад. Ф. Травничка «Смешанные и переходные говоры» (стр. 31—33), в которой подчеркнуто принципиальное значение марксистского метода при решении вопроса о исторических путях развития лишского диалекта. Возражая против тезиса К. Нитша о том, что территория лишского наречия не была этнической территорией, переходной между поляками и чехами», Ф. Травничек указывает на антисторизм подобного понимания отношений между двумя родственными языками. По его справедливому мнению, любое взаимодействие между двумя языками может быть объяснено лишь путем изучения взаимных связей носителей этих языков; в данном случае один из диалектов чешского языка в процессе исторического развития испытал влияние носителей польского языка, а не был исконо образованием, совмещающим свойства обоих указанных языков.

Прочие статьи второго раздела касаются проблематики, связанной с изучением лишского наречия. Описанию территориального размещения некоторых морфологических явлений (окончания творительного, местного, дательного падежей множественного числа имен существительных, флексии 3-го лица множественного числа глаголов и др.) посвящена статья А. Лампрехта «Из лишского лингвистической географии» (стр. 34—43). Материалы этой статьи подтверждают высказанную Б. Гавранком мысль об олавеком и остравском центрах диалектных изменений на территории лишского наречия⁵.

Старые наблюдения Ф. Бартоша и данные Б. Гавранка уточняются в статье Д. Шлосара «Переход $\bar{a} > o$ в лишском говоре окрестностей Мистека» (стр. 44—46). В статье А. Грегора «Междометные предложения в лишских говорах» (стр. 47—52) дан разбор звукоподражательных и первичных междометий, процесса образования вторичных междометий, перехода последних в глаголы. Наконец, большое исследование М. Ромпортла «Ударение и интонация в тешином говоре» (стр. 53—78) представляет значительный интерес потому, что проблемы ударения и

¹ Východočeská nářečí, Brno: I—1946; II—1949.

² См. его брошюры «Štáv a úkoly české jazykovědy na Slezsku», Opava, 1950.

³ См. ряд его статей в периодических изданиях и особенно работу в сборнике, посвященном В. Гавранку: «K otázce historického formování jazykových hranic», «Studie a práce lingvistické», I, Praha, 1954.

⁴ См. А. Kellner, Dialektologické bádání na brněuské filosofické fakultě, «Sborník prací filosofické fakulty brněuské university», roč. I, č. 1—2, Brno, 1952.

⁵ См. В. Наврátков, Nářečí česká, «Československá vlastivěda», díl. III, Praha, 1934, стр. 180 и сл.

мелодики предложения важны для уяснения чешско-польских языковых отношений. Обычно ударение падает на предпоследний слог, но существует множество исключений, вызванных различными факторами, в том числе и мелодическими.

В третьем разделе сборника помещены статьи о моравских и словацких говорах. Вызывает интерес статья Я. Белича «Место моравско-словацких говоров» (стр. 81—91). Принадлежность моравско-словацких говоров к тому или иному языку горячо обсуждалась чехословацкими языковедами и в прежние годы. Однако очень часто при решении этого вопроса исходили из соображений националистического толка, не имевших отношения к науке. Положение осложнялось еще и тем, что не находил своего правильного разрешения общетеоретический вопрос о соотношении языка и диалекта.

Моравско-словацкие говоры распространены в восточной Моравии (Валашская и Моравская Словакия). Многие фонетические и грамматические особенности чешского языка обнаруживаются в моравско-словацких и западнословацких говорах и, напротив, некоторые словацкие особенности заходят далеко на Запад. Западная граница этих переходных говоров обозначена довольно четко: это изоглосса *i* (*y*), *ú* в противоположность ганаким *é*, *ó* (*strýc*, *súsed* и *stréc*, *sósed*).

Наличие широкой полосы переходных чешско-словацких говоров, отсутствие резких лингвистических и этнографических границ между восточной Моравией и западной Словакией не раз давали возможность чешским ученым делать вывод о существовании единого чехословацкого народа и языка. Взгляды Ф. Пастрика по этому вопросу были некогда приняты почти всеми чешскими языковедами и в период существования буржуазной Чехословацкой республики стали рассматриваться как официальная доктрина. Однако для отнесения того или иного диалекта к определенному языку недостаточно одних лингвистических данных. Развивая ранее высказанные им взгляды¹, Я. Белич утверждает, что «вопрос принадлежности того или иного диалекта к какому-либо языку не может решить ни облик диалекта самого по себе, ни изоглосса древнего явления, будь оно фонетическим, морфологическим или каким-либо иным» (стр. 89). В настоящее время «моравско-словацкие говоры утрачивают свои особенности и сближаются с чешским литературным языком, подобно тому как западнословацкое наречие сближается со словацким литературным языком» (стр. 91).

С этим выводом автора можно согласиться, учитывая отношения, сложившиеся между братскими чешским и словацким народами, однако следует подчеркнуть тот факт, что из всех чешских и словацких говоров наименее изученными являются именно моравско-словацкие и западнословацкие. В связи с этим общий вывод автора, как нам представляется, нуждается еще в подтверждении конкретными материалами.

И. Скулина в статье «К исторической диалектологии Граничного района» (стр. 92—111) останавливается на некоторых исторических условиях формирования говора указанного района. Граничкий говор расположен на стыке ганакского, моравского и ляшского диалектов, вследствие чего он чрезвычайно неоднороден по своему составу². Автор исследует фонетические и морфологические особенности говора, опираясь на анализ диалектизмов в местных документах, начиная с середины XVI в. (земельные книги, хроники, метрические записи, тексты привилегий и т. п.); он учитывает то обстоятельство, что ляшское наречие подвергалось польскому влиянию лишь с XIII в., с усилением немецкой колонизации, отделившей Силезию от Моравии, на что, к сожалению, польские исследователи не обращают должного внимания³. И. Скулина наглядно показывает совпадение пучков изоглосс с границами прежних феодальных владений и доказывает связь глубокой диалектной дифференциации моравских говоров и феодальной раздробленности прошлых столетий. В особенности показательны рефлексы гласных *ú*, *y*: границы *múka*, *strýc*, келечские *mouka*, *strejc*, загорско-ганакские *móka*, *stréc* и т. п.

Заметка А. Вашке «Из лингвистической географии Рожнова и Валашского Мезиржичья» (стр. 112—118) касается распространения некоторых фонетических явлений (смягчение губных согласных, перегласовка *a > e*) в указанных говорах. Ф. Шверер кратко перечисляет основные особенности карловнического говора (моравско-словацкий диалект). В статье А. Габоуш «Рефлексы доисторических *z*, *z* в оравских говорах» (стр. 126—133) делается попытка объяснить особенности верхнеоравских говоров. Как известно, средние и нижние оравские говоры по рефлексам редуцированных (*z > o*, *z > e*) сходны со среднесловацким наречием. В верх-

¹ См.: «Poměr mezi češtinou a slovenštinou», «Slovo a slovesnost», ročn. XIV, č. 1, 1953; «K otázce češtiny jako národního jazyka», там же, ročn. XIII, č. 2, 1952; «Národní jazyk, jeho pojetí a studium», «Slavia», ročn. XXII, seš. 2—3, 1953.

² Подробное описание граничского говора дано автором в статье «K nářeční diferenciaci východní poloviny hranického okresu» («Sborník prací filosofické fakulty brněnské university», ročn. I, č. 1—2, 1952).

³ См. К. Деjna, «Polsko-laskie pogranicze językowe na terenie Polski, Łódź: I—1951; II—1953».

неоравских говорах наблюдается частое изменение обоих редуцированных в *e*. Автор стремится объяснить это отклонение валашским колонизационным движением XV—XVII вв. из восточнословацких областей и польско-словацкими языковыми связями. Заметка Г. Г о р а к а «Суженные гласные в говоре Погорелой и Липтовской Теплички» (стр. 134—141) посвящена анализу польских особенностей фонетики этих селений¹, находящихся на границе среднего и восточного словацких наречий, и является лишь частью его обширной монографии «Nárečie Pohorelej» (Bratislava, 1955).

Четвертый раздел сборника содержит четыре статьи и заметки. Я. Х л о у п е к в статье «К вопросу об интердиалекте» (стр. 145—153) указывает, что в связи с усилением роли литературного чешского языка в настоящее время происходит быстрое исчезновение специфических особенностей говоров. Наиболее быстро происходит процесс нивелировки в лексике, однако наблюдения автора над говором Угерского Брода свидетельствуют и о выравнивании в области фонетики и морфологии. В связи с этим процессом в Моравии, Силезии и Моравской Словакии возникают особые наддиалектные языковые образования, характеризуемые автором следующим образом: «Это не особые устойчивые формы национального языка, а народный язык в переходный период, предшествующий отмиранию диалектов, который, в отличие от местных диалектов, может выполнять на ограниченной территории функцию общего языка и до известной степени выступать и в функции разговорного языка» (стр. 148).

В заметке Я. Б а у е р а «Синтаксис в диалектологических монографиях» (стр. 154—157) подчеркивается важность не выборочного, а системного описания синтаксиса изучаемого говора. Ф. К о п е ч н ы й в заметке «О загадке названия *Beskydy*» анализирует существующие этимологии этого слова и склоняется к предположению, что название *Beskydy* восходит к германскому или фракийскому имени со значением «горная граница, предел». Я. С т а н и с л а в в заметке «По следам слезан в Словакии» (стр. 174—175) связывает нитранское топонимическое название *Sl'ažany* с миграционными движениями жителей Силезии.

Сборник заканчивается статьей М. Е л и н к а «О стиле литературных трудов Людмилы Горяжкой» (стр. 179—192). Людмила Горяжка — мало образованная, но талантливая силезская рассказчица, автор двух автобиографических книг «Дома» и «Рекка», характерных соединением типических черт народно-разговорного стиля (на лешском наречии) со стилистическими средствами литературной хроники. М. Елинек осуждает излишнюю насыщенность авторской и «полупрямой» речи диалектными элементами.

Анализ диалектологических исследований, помещенных в сборнике, свидетельствует об интенсивной работе по изучению моравских и лешских говоров, которая ведется в настоящее время, и о богатстве тематики, разрабатываемой чехословацкими диалектологами. Можно быть уверенным, что в ближайшие годы двухтомный труд Ф. Бартоша об этих диалектах, выполненный в конце XIX в., будет заменен новыми обобщающими трудами.

Н. А. Гондрашов

РУССКИЕ ЗАЙМСТВОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ ЭСКИМОСОВ АЛЯСКИ

Великие открытия русских в Тихом океане и в Северной Америке в XVIII в. имели неоспоримое значение в деле экономического и культурного преобразования малозаселенных окраин русского государства. Открытие русскими географами В. Берингом и А. И. Чириковым пролива между северо-восточным побережьем Сибири и северо-западной Америкой явилось началом интенсивного освоения и исследования Аляски и прилегающих к ней островов. Во второй половине XVIII в. на северо-западных берегах Америки появились первые русские поселения, и на Аляске было установлено русское правление. Коренное население Аляски — эскимосы и северные индейцы — впервые встретилось с европейцами, и этими европейцами были пытливые русские промысловые люди.

Проф. Льюис Л. Хаммерих в американском лингвистическом журнале «Slavic Word» (спец. выпуск журнала «Words») опубликовал свои весьма интересные наблюдения над результатами русского культурного влияния на эскимосов Аляски и особое внимание уделил русским заимствованиям в эскимосском языке². Статья проф. Хам-

¹ См. М. Małeckі, Kilka uwag o polskiej gwarze Ciepliczki i Pogorely w Niżnych Tatrach, «Sborník Matice slovenskej», ročn. IX, soš. 1—4, 1931.

² См. L. L. Hammerich, The russian stratum in alaskan eskimo, «Slavic Words», 1954, № 3 («Words», vol. 10, 1954, № 4).